

17. Балахнина Т. Болтуны // Вост.-Сиб. правда. 1935. 17 июня. С. 1.
18. Алакишин Е. По-новому строится жизнь // Вост.-Сиб. правда. 1935. 3 июня. С. 3.
19. Огородников Н. Не узнать нашего села // Вост.-Сиб. правда. 1935. 16 июня. С. 1.
20. Чусова И. 500 активистов культурного похода // Вост.-Сиб. правда. 1935. 12 мая. С. 3.
21. Кириллов В. Колючие строки // Вост.-Сиб. правда. 1930. 25 сент. С. 6.
22. ГАИО. Ф. р-603. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
23. ГАИО. Ф. 1989. Оп. 1. Д. 98. Л. 246.
24. Иркутская область: экономико-статистический справочник / отв. ред. А. Веселков. Иркутск : ОГИЗ, 1941. С. 195.
25. Малоземова А. И. Указ. соч. С. 122.

ШАЛАМОВА С. А.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОВОЙ И СОЦИОВОЗРАСТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МОЛОДЕЖИ В ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ В XIX В.

В современном представлении понятие «молодежь» не столько возрастное, сколько социальное и историческое. В разное время и в разных обществах под эту категорию попадали молодые люди различного возраста. К примеру, те, кого мы сейчас называем молодежью, столетие назад вовсе таковой не считалась. Возрастная терминология относительно молодежи никогда не была однозначной. Важно и то, что возрастные категории обозначали не столько хронологический возраст, сколько его общественное положение, социальный статус. В задачу данной публикации входит рассмотрение как этимологических корней собирательного термина – «молодежь» в дореволюционный период, так и анализ некоторых современных представлений о молодежи в российском обществе. Преимущественное внимание в статье будет уделено анализу традиционных народных представлений о наступлении совершеннолетия и брачного возраста, характеризующих российскую молодежь XIX в.

Для начала следует упомянуть, что в Российской империи еще не существовало особой молодежной концепции или молодежной политики, как сегодня. Доктор исторических наук, профессор Виктор Бочаров высказывает свою точку зрения в этом вопросе. Он считает, что для традиционной крестьянской общины роль молодежи, как правило, была достаточно высока. Он связывает это, в частности, с военизированным характером русского

государства, в котором верховная власть всегда опиралась, прежде всего, на армию, состоявшую из молодежи. Молодежь всегда была головной болью любого традиционного общества, особенно бесписьменного, считает профессор. Старшим все время приходилось что-то придумывать, чтобы канализировать эту вечную юношескую агрессию, направить ее либо на внешнего врага, либо, так или иначе, сублимировать.

В противном случае эта агрессия была бы, скорее всего, обращена на старшее поколение. Что в свою очередь сделало бы невозможным эффективную передачу опыта старших молодому поколению, а значит, могло привести к гибели данного социума. По мнению В. Бочарова, именно социально-возрастной конфликт, затрагивавший все слои общества, лежит в основе политических катаклизмов, сотрясавших Россию на протяжении последнего столетия¹. Отдадим должное мнению историка, хотя есть и другие взгляды на эту проблему. В частности, своеобразием отличаются мнения этнографов и лингвистов. Собственно, в понятие «молодежь» в русском обществе закладывали особый смысл, т. к. молодежь являлась важным агентом процесса социализации, участвовала в дальнейшем воспроизводстве населения, служила главным источником пополнения рядов русской армии.

Традиция, особенно в деревне, значительно регламентировала поведение и образ жизни молодежи, в городе многое определяла городская среда, там новации раньше проникали в среду молодежи. В дореволюционном традиционном обществе собирательный термин – «молодежь» скрывал и сакральный смысл.

Анализ изученной литературы показывает, что собирательный термин «молодежь» подразумевал лиц мужского и женского пола, занимавших промежуточное положение, находящихся в процессе становления и перехода во взрослое состояние. При этом верхняя граница наступления совершеннолетия, как и брачный возраст, значительно варьировались. Если взять за основу определения термина «молодежь» процесс социализации, то можно считать возрастными границами молодежи возраст от 12/14 до 29/30 лет, но со значительными оговорками. В данном случае предложенные возрастные границы включали: начало половой зрелости молодых людей и время вступления в брак, создание семьи². Пик жизненной активности и динамичность этого возраста делали молодежь проводником преобразующих тенденций в механизме

функционирования группового опыта через противоборство: традиции – новации, освящение – нарушение, предписание – оппозиция и т. д., в конечном счете, способствующем эволюции народной жизни и культуры.

Границы наступления совершеннолетия и брачного возраста у молодежи данного периода отличались подвижностью. Это объяснялось целым комплексом причин: социально-экономическими, природно-географическими факторами, правовыми установлениями, традиционными представлениями и т. д. О переходе молодежи во взрослое состояние говорит терминология, производная от понятий времени и роста, общая для всех взрослых.

Интересны в этом отношении традиционные народные представления начала совершеннолетия и брачного возраста. Стать совершеннолетним означало: *повзрослеть – войти в года, в летá, в совершенные лета*³. В ряде северных и поволжских областей совершеннолетие обозначалось понятием *версть* (верста, единица пространственного измерения), а *верстать* означало выдавать дочь или женить сына⁴. В пик совершеннолетия про девушку говорили, что она находится в *самой поре, на большйны, на прочёке, на зáму-жи*⁵. Девушку называли *человековáта, большая, поспелка*⁶.

Физиологическая зрелость девушки не всегда считалась полным совершеннолетием, т. е. достижением брачного возраста: случалось, что физиологические признаки скрывались до пика совершеннолетия⁷. Например, в Тверской губернии физиологически зрелую девушку еще в 15–16 лет считали «глупой» (т. е. как ребенка или подростка), в 18 лет она становилась *большая*, в 20 лет – *невеста*, или *растóвая*⁸. Конец совершеннолетия – критическая пора для выхода девушки замуж – отражался во множестве специальных девичьих названий. Девушку называли «*пожитая, домовня, дохожалая*» (девушка уже перестает посещать молодежный круг и сидит дома). Перейдя за пик совершеннолетней нормы, девушка получала «старые» названия – *застарелая, перестарок*. При этом *застареть* означало пережить период ранней молодости: «Уже застарела девка, ее никто не берет, скажут – под годами»⁹.

Таким образом, согласно народным представлениям взросление девушки связывалось с достижением физиологической зрелости (началом менструального цикла) и с возрастом, наиболее подходящим для брака и рождения детей. При этом понятие «молодости» девушки значительно варьировалось по территориально-

му признаку, обычаями, социальными различиями. Думается, что здесь также следует различать социовозрастные особенности молодежи до брачного возраста и молодежи, вступившей в брак и создавшей семью.

Интерес представляют и мужские собирательные названия, производные от понятия «молодежь». Как правило, название «молодец» чаще всего употреблялось в праздничной или обрядовой ситуации, т. е. носило ритуализованный оттенок, подчеркивающий высокие брачные возможности холостого или молодого женатого мужчины. Слово «молодец» являлось одним из главных обращений при сборищах и обрядовых играх молодежи в своем кругу. Близким по смыслу слову «молодец» являлось общерусское слово «парень». Некоторые лингвисты видят прямую связь общерусского слова *парень*, *паря* с иранским словом *parna*. В древнем Иране слово *parna* обозначало социовозрастной класс, членами которого являлись холостые и женатые молодые мужчины с присущими им военными и свадебными функциями¹⁰. В поздней бытовой традиции русских слово «парень» употреблялось молодежью в будничных и праздничных ситуациях без того «военно-свадебного» оттенка, какое сохранялось в слове «молодец».

Довольно широко было известен как возрастной термин собирательное *женихи*, отражавшее наступление брачного возраста (у всех восточных славян). Молодежь не пользовалась этим словом в своем кругу, но односельчане употребляли его как в будни (обычно намекая на предстоящие изменения в статусе молодого человека, который, тем не менее, ведет себя еще «как маленький»), так и в праздник (с оттенком гордости, поскольку нарядные, гуляющие «женихи» являлись продолжателями общинных родов). К этой же стадии относятся распространенные выражения: «начала невеститься/начал женишиться», и девушки и юноши получали название «невест» и «женихов».

Слово «жених» известно ряду славянских языков, и по происхождению его связывают со славянским – «жена», «женщина», имеющим древнюю общеиндоевропейскую основу. Согласно предположениям исследователя О. Н. Трубачёва, термин *жених* обозначал статус молодого человека как *сватающегося, женившегося, способного познать жену*, что делало его синонимичным словам «молодец/молодой»¹¹. С данными понятиями был близко связан термин «некрут» (рекрут), объединявший парней, достигших

призывного возраста, а также взятых на действительную службу молодых женатых мужчин. В некоторых русских областях, включая и сибирские районы, бытовал похожий термин – *боец*, но уже в социовозрастном употреблении включал холостого и женатого человека, подразумевая «полного, настоящего мужчину от 20 до 35–40 лет»¹².

Таким образом, мужские собирательные термины молодежи обнаруживают различные генетические и семантические корни, которые в совокупности характеризовали все признаки взрослого социовозрастного статуса мужчины: способность к браку и деторождению, к мужским трудовым и военным ролям. Эти признаки в поздней русской традиции объединяли совершеннолетних, т. е. еще холостых юношей, и взрослых – молодых (и даже не молодых мужчин). Как видим, половые и социовозрастные особенности молодежи можно определять по-разному, в зависимости от конкретной цели и задачи исследования.

Свою специфику представляет собирательная терминология, обозначающая девичий возраст, которая ограничивалась производными от слова «дева», общими для различных русских областей даже в диалектных вариантах. Например, в северных, центральных и южных районах могли одновременно сосуществовать названия: *девки*, *девья*, *девица* и т. п. В северных, верхне-волжских и сибирских областях достигшую совершеннолетия чаще называли *девка*, в расцвете этого возраста – *деваха* / *дэвака*, *девица*, «старую» – снова *девка* или *дева*¹³. В славянском образовании *deva* лингвисты определяют значение потенции, наличия и способности кормить детей (грудью)¹⁴. В широком смысле значение слова «дева» прослеживается в русском его употреблении внутри женского коллектива по отношению ко всем женщинам, от девушек до старух¹⁵.

Слово «невеста», как уже говорилось, относилось к пику совершеннолетия девушки. Его употребление прекращалось с переходом в статус реальной невесты (в отличие от термина «жених»). Этимологические толкования славянского «невеста» дискуссионные и противоречивые, но, согласно мнению исследователя Трубачёва О. Н., все эти толкования начинаются как бы с отрицания, с частицы «не»: «неведомая», «неизвестная» («не познанная мужчиной»)¹⁶. По всей видимости, слово «невеста» и его семейно-родовое продолжение – «невестка» – приобрели в славянских языках особый социальный и ритуальный смысл, в совокупности обо-

значавший *неопределенное положение (состояние)* девушки и женщины на разных этапах ее жизни: неизвестность брачных возможностей (девственность). Переходный статус во время свадебного ритуала (как бы между жизнью и смертью, а также между двумя «родáми»), непроявленность способностей к деторождению (до рождения первого ребенка, точнее – мальчика), чуждость семейному коллективу, в который она вошла.

Интересно, что практически повсеместно в России, включая Сибирь, название «молодая/молодуха – невестка (сноха)», появляясь как социовозрастное обозначение статуса новобрачной, оставалось за нею в качестве семейно-родственного термина всю последующую жизнь именно в значении «нового, только что появившегося»: «Это вот молодуха (невестка, сноха); хоть ей сорок лет, а все молодуха»¹⁷.

Большой пласт в молодежной терминологии составляли названия, характеризующие специфическое поведение молодежи в своем кругу; ими пользовались и взрослые члены общины, когда речь шла об отношениях молодых людей друг к другу, а в собственно молодежном кругу они имели преимущественное употребление. К ним относятся термины: *игральщики, посидельщики, беседники, занимальщики, почётники, дружки (дружевья)*¹⁸.

Кроме того, к этим терминам примыкали названия, отражавшие внешний облик, умение одеваться, манеру игрового поведения, и просто ласковые обращения, относящиеся к данному возрасту и играющим парам. Например, *форсуны* – «первый разряд» по возрасту и социальному положению, и *скандалисты* – «средний разряд» (Поморье)¹⁹, а также *духаня, душения, жадоба* – «милый», «возлюбленный» (севернорусск. и общерусск.)²⁰.

Таким образом, исходя из перечисленных особенностей собирательного термина «молодежь», в традиционном русском обществе существовали различные вариации названий и терминов, характеризующих такую половозрастную группу, как молодежь. Такое многообразие значений молодежных терминов было вызвано несколькими причинами: как особенностями проживания на той или иной территории и существовавшими там традициями, так и физиологическими и социовозрастными особенностями молодежи, ее статусом в традиционном, во многом патриархальном обществе и др.

Так или иначе, молодежь как единую социальную группу объединяли: особенности возраста, поведения, общность интересов и образа жизни. Безусловно, что в традиционных народных представлениях в оценке возраста совершеннолетия преобладали как физиологические, так и аскриптивные (приписываемые традицией) признаки. При этом физиологические признаки могли быть реальными (т. е. совершеннолетие отсчитывалось с действительного наступления половой зрелости, четко прослеживающегося у девушки) и аскриптивными, т. е. половая зрелость приписывалась определенной возрастной норме – поре от 1 года до 5 лет, и могла не совпадать с действительным ее началом. В связи с этим нижняя временная граница полового созревания (физического совершеннолетия) не фиксировалась, и потому границы возраста молодежи, включая вступление в брак, были не четкими, довольно растяжимыми, сильно варьировали в отдельных русских областях, а нередко были присущи только той или иной локальной традиции.

В отличие от традиционных представлений о молодежи и половозрастных особенностей данной группы до революции, в современном российском обществе молодежь воспринимают с иных позиций и критериев, хотя можно найти и ряд общих черт. Наука в изучении молодежи сегодня ушла далеко вперед, появились новые направления: социология молодежи, ювенология, геронтология и т. д. На молодежь обращено особое внимание государства, общества, самой молодежи, т. к. от ее ценностей, способностей и интересов зависит будущее страны.

В современном российском обществе молодежь составляет 39,6 млн молодых граждан, т. е. 27 % от общей численности населения страны в целом. В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в РФ от 18 декабря 2006 г., к категории молодежи в России относятся граждане в возрасте от 14 до 30 лет²¹. К нашему исследованию ближе всего стоит подход отечественного социолога В. Т. Лисовского, который одним из первых в 1968 г. дал определение молодежи как поколения людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции²². Хотя нельзя не согласиться с мнением исследователя И. С. Кона, который дал иное определение молодежи – как социально-демографической группы,

выделяемой на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств²³.

Очевидно, что при определении возрастных границ понятия «молодежь» в качестве исходных необходимо принять широко распространенные взгляды, что началом молодости (концом детства) являются момент, когда в организме человека завершаются физиологические и психические процессы, связанные с половой зрелостью (от 12 до 16 лет); а также ряд социальных обстоятельств, а концом молодости – момент, когда молодой человек полностью вступает в положение взрослого (от 28 до 30 лет), чему также соответствует ряд условий.

Среди них: достижение экономической независимости (т. е. ответственность за приобретение необходимых для собственного осуществления средств и способность создавать их); личная самостоятельность (т. е. способность принимать решения, касающиеся себя, во всех сферах существования, без чужой опеки, каких-либо ограничений, кроме необходимых для сосуществования в обществе); самостоятельность в распоряжении средствами для существования; создание собственного очага, который не зависит от родительского, и принятие ответственности за его поддержание и управление²⁴.

Так или иначе, по справедливому выражению И. С. Кона, молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации.

Примечания

1. <http://www.pchela.ru>.
2. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX-XX вв. Л.: Наука, 1988. С. 32-33.
3. Словарь русских народных говоров. Владим., Пермск. губ., Сибирь. М., 1981. Вып. 17. С. 21.
4. Словарь русских народных говоров. М., 1969. Вып. 4. С. 148-149.
5. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 9.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 340.
7. Бернштам Т. А. Указ соч. С. 2
8. Там же. С. 29.

9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М, 1979. Т. 2. С. 117, 193.
10. Тревер К. В. Древнеиранский термин *parna* // Изв. АН СССР. Сер. История и философия. 1947. Т. 4, № 1. С. 73–85.
11. Данковская Р. С. Свадебные обряды у малороссов Украины // Этногр. обозрение. 1909. № 2–3. С. 146.
12. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX – начало XX в. Л., 1967. С. 183.
13. Словарь русских народных говоров. М., 1972. Вып. 7. С. 313–317.
14. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 115–117.
15. Словарь русских народных говоров. М, 1972. Вып. 7. С. 317.
16. Трубачёв О. Н. Указ соч. С. 90–94.
17. Словарь русских народных говоров. М, 1982. Вып. 18. С. 221.
18. Куликовский Г. И. Словарь современного русского народного говора. М., 1969. С. 4, 27.
19. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья XIX – начала XX вв. : Этнографические очерки. Л., 1983. С. 162.
20. Словарь русских народных говоров. М., 1973. Вып. 8. С. 277, 283.
21. Государственная молодежная политика в законодательстве РФ : сб. докум. Ч. I–III / под ред. В. А. Лукова. М. : Социум, 2000.
22. Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.
23. Кон И. С. Краткий словарь по социологии. М., 1988.
24. [http:// Silverg.vozrast.ru](http://Silverg.vozrast.ru).

ШИНКАРЁВА А. П.

РАЗВИТИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА И ПЕЧАТИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЗАЦИИ ИРКУТСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ.

Процесс политизации сибирского общества, начиная со второй половины XIX в., условно вписывается в несколько этапов, определяющихся как общими тенденциями экономического и социально-политического развития Российской империи в целом, так и особенностями развития Сибири. Один из них можно связать со временем генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева и появлением сибирской периодической печати.

Сибирское общество, особенно со второй половины XIX в., испытывало сильное влияние массовой политической ссылки. Мы можем наблюдать это влияние в той или иной степени в разных сферах жизнедеятельности края.